

классифицировать методы управления не с позиций идеального моделирования, приведенных выше, а с позиций фактора социальных возможностей того или иного политического режима использовать методы политического господства в конкретной стране. Здесь присутствует прямая зависимость между уровнем развитости социальной структуры общества и способами политического властвования. Чем проще, примитивнее социальная структура общества, тем жестче методы господства правящей политической элиты, и наоборот, чем больше в нем различных социальных слоев и групп со своими корпоративными политическими интересами, тем богаче и активнее политическая жизнь.

Таким образом, фактор многообразия социальной структуры общества, расширение его стратификационных границ и повышение социальной мобильности внутри такого общества оказывают существенное влияние на методы и способы политического властвования, что показывает необходимость изучения фактора развитости социальной структуры общества. Если рассматривать политические режимы под этим углом зрения, то получается более фиксированная структура, которая дает возможность более четко оценить способность того или иного политического режима трансформироваться в ту или иную сторону. Этот критерий – социальной основы политического режима – более надежен, чем другие – цивилизационный, религиозный, культурологический и т. д., так как он имеет достаточно большие временные рамки. Развитие к многообразию социальных слоев и групп или, наоборот, к деградации социальной структуры общества происходит постепенно, и эти процессы можно отслеживать с достаточной степенью достоверности.

Необходимо отметить, что взаимосвязь социальной структуры общества и методов и способов политического господства в каждом политическом режиме имеют свои особенности и специфику, в связи с чем необходим анализ каждой конкретной ситуации. Однако из этого положения можно сделать и общетеоретические выводы.

II. ВНЕШНЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В.П. Горюнов

УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

На уровне фундаментального социологического знания следует указать на всеобщую техносоциальную формулу общественного развития, которая выражается в том, что в процессе материального производства масса необходимых затрачиваемых ресурсов в совокупности всех своих составляющих постоянно опережает массу получаемых ресурсов жизни. В

результате само производство может осуществиться только в рамках отношения господства и подчинения как в межиндивидуальном, так и в межобщностном плане. Соответственно, каждая историческая общность (нация, страна, этнос и т.п. образования) характеризуется своей геоисторической формулой, складывающейся из географических, демографических, технологических, социально-культурных, геополитических факторов, обуславливающих два взаимозависимых показателя: характер внутреннего социального устройства и способ включенности в мировое сообщество (то и другое берется в аспекте отношений господства и подчинения). Иначе говоря, геоисторическая формула общности раскрывается в интенсивности или экстенсивности экономического развития, авангардности или отсталости в научно-техническом прогрессе, эволюционности или революционности социальных изменений, демократичности или авторитарности управления, уровне жизни и глубине социальной дифференциации.

Современная система отношений господства и подчинения становится предельно обобществленной, опосредствованной отношениями так называемого открытого, демократического общества, в котором формируется система постэкономического принуждения, когда насилие осуществляется даже не через собственность на средства производства, а через технологию, информацию. По сути становится не так важно – кому принадлежат ресурсы природы, как то – кто умеет их использовать.

Отсюда и политические (с экономической подоплекой) лозунги – демократия, открытость, права человека, плюрализм и пр. Рыночные отношения становятся главным способом превращения одних общностей в средство других общностей. Для установления господства в таком обществе не надо завоевывать территории, не надо вывозить сырьевые ресурсы, достаточно иметь монополию на информацию. Главной опасностью для общности становится ее информационно-технологическая отсталость.

Информационно-технологический колониализм начинается с того, что общность (страна) не может самостоятельно использовать доставшиеся ей в силу геоисторических обстоятельств природные богатства в соответствии с возможностями и потребностями мирового уровня материально-технического развития. Казалось бы, в мире должна установиться симметричная взаимозависимость: с одной стороны – владелец сырьевых ресурсов, а с другой – собственник информации и технологии. Но природа богата или бедна не сама по себе как таковая, элементы природы становятся природным богатством в результате человеческой деятельности, в настоящее время – научно-технической. Складывается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда, например, некие кочевые племена, не бедные и не богатые, а просто дикие, вдруг становятся обладателями несметных сокровищ только лишь

потому, что кто-то где-то изобрел двигатель внутреннего сгорания, открыл способ перегонки нефти, создал технику для ее добычи на суше и на море и нашел эту самую нефть под принадлежащими этим племенам верблюдьими пастбищами. Спрашивается – кто же в таком случае настоящий хозяин богатства? На этот сугубо абстрактный вопрос история дала сугубо конкретный ответ – тот, кто умеет им пользоваться. А тот, на чьей территории оно находится, уже не может ни просто оставить его без внимания и продолжать жить по-старому, ни использовать его без посторонней помощи в качестве рычага воздействия на окружающий мир, шантажировать его. Из колоний давно не вывозят рабов, не организуют рабский труд на месте, колонии перестали быть и так называемыми сырьевыми придатками бывших метрополий.

Россия по шкале современного уровня материально-технического развития является обладательницей больших природных богатств. Однако она не может эффективно распорядиться ими самостоятельно по причине отсутствия внутренних источников кредитования, т.е. источников авансированного труда, необходимого, во-первых, для разработки новой техники и новых технологий; во-вторых, для разворачивания работ по собственно добыче, переработке и дальше по всем технологическим переделам. Все негативное, что связано с недостаточностью собственных возможностей (в том числе и управленческих, политических) по рациональному использованию природных ресурсов, обусловлено факторами самой российской жизни, а не «происками заокеанских воротил бизнеса», сознательно удушающих Россию. Разворовывание производственных фондов, загрязнение территории, вывоз капитала за границу, развал экономики вообще – все это дело рук самих россиян, ставшее возможным в условиях открытости перед миром.

Природные условия России в ее современных границах не позволяют существовать людям, выключенным из сферы общественного производства. Проще говоря, бездомная, социально не обеспеченная жизнь в значительных масштабах в России невозможна. А это значит, что Россия для сохранения нынешней территории и численности народонаселения необходимо должна быть высокоразвитой страной.

Однако при неизменности существующего положения дел основная масса людей, оказавшихся лишними в производстве и не имеющих достаточной социальной поддержки, обречена на вымирание: индивидуально – в различной форме и в разные сроки, но в целом – в критически короткий интервал времени. Народонаселение, как элемент целостной общественной системы, закономерно придет в соответствие с материально-технической и социальной системами. Одновременно снижение рождаемости, усиливаемое сокращением продолжительности предстоящей жизни, приведет к очередному этапу старения населения и последующему снижению его численности. Нет нужды доказывать, что

вместе с «уходом» людей «уйдут» и определенные проблемы социального характера. В этом смысле совершенно ясно, что реформы необратимы – их результатом будет совершенно другая страна.

Но ясно также и другое – вместе с уменьшением массы людей будет уменьшаться и их способность к удерживанию занимаемой территории, которая неизбежно сократится в соответствии с конфигурацией линий разлома, уже очерченных линиями национального и регионального сепаратизма и дополненных контурами внешних территориальных притязаний. Что окажется в остатке – нельзя предсказать, но можно разве что угадать.

Объективное противоречие положения современной России состоит в том, что, став открытой, она перестала быть самостоятельной и оказалась перед угрозой распада, а в закрытом виде она обречена на застой и разложение. Здесь бессмысленно ставить вопрос о том, кто виноват, и теоретически невозможно найти ответ на вопрос, что делать? Здесь надо просто действовать, исходя из самой реальности. А для этого необходима не программа действий – таких в России сейчас достаточно, если не в избытке, – а политическая воля, субъект действия, она первична. Будет воля – сформируются и действенные программы, без нее останутся одни словопрения и изнуряющая междоусобная борьба за власть.

Несмотря на восстановление в России исторически традиционной для нее глубокой социальной дифференциации, лозунги внутрисоциальной борьбы чисто классового характера все больше представляются идеологическим анахронизмом. Действенная социальная борьба в России всегда велась в явном или неявном подчинении проблеме установления ее статуса в системе мировой социальной дифференциации, и все многообразие исторических форм противоборствующих социальных сил может быть сведено к двум интегральным формам – национал-государственники и космополиты-либералы. Политика первых исторически всегда преобладала, но никогда не могла вывести Россию из состояния изоляции и преодолеть холодное высокомерие в отношении к ней со стороны Запада как стратегически приоритетного партнера и оппонента одновременно. Политика вторых никогда не преобладала, но всегда означала подчинение России на путях полного включения во всеобщий мировой рынок и ориентации в организации своей жизни на его правила. Образно говоря, Россию на этом всеобщем рынке быстро «разденут», как периферийного жителя на столичном базаре.

Надо понять одну простую, но очень жесткую истину: борьба за выживание объективно исключает какие бы то ни было компромиссы и в доведенном до логического конца виде представляет собой борьбу на уничтожение. А такой конец всегда становится действительностью при непосредственном столкновении интересов за жизненное пространство, понимаемое как жизненные ресурсы вообще. Здесь бессмысленно искать

некие нравственные барьеры. Борьба культур, цивилизаций, этносов (как бы ни называть) могла быть борьбой на вытеснение, пока существовал резерв пространства в буквальном смысле, в которое и вытеснялись слабые общности более сильными. Достижение человечеством глобальности в своем развитии означает, что границы общностей (культур, цивилизаций, этносов) сомкнулись и выдавливать им друг друга больше некуда, свободных ниш уже не осталось.

Соответственно, каждая общность должна определить свое место в этом социальном континууме и находить средства для его удержания: политические, экономические, военные – какие угодно. Специфика России – ее преимущественно оборонительная геополитика, а постоянное расширение России на Восток вплоть до становления огромной империи в решающей мере явилось результатом именно ее выдавливания туда Западом. Кстати, при конкретно-историческом подходе надо заметить, что то было выдавливание в зону отсутствия его жизненных интересов, почти как в никому не нужную пустыню. Но при отклонении от допустимого направления российской экспансии ей об этом быстро напоминали.

Мир стал качественно иным, превратившись в глобальную систему социального взаимодействия. Наряду с традиционными противоречиями между господствующими общностями, борющимися за сферы влияния как за необходимые источники своего существования, четко обозначились линии нового противостояния, новых переделов жизненного пространства. Наиболее явственно здесь прослеживается линия, разделившая мир энергоносителей, представленный главным образом странами так называемого мусульманского мира, и мир технологий в лице западных (в социальном, а не географическом смысле) стран. Оба мира не могут обойтись друг без друга, оба неоднородны сами по себе, оба претендуют на главенство в глобальной системе международных отношений. Безусловно, надо учитывать еще не подкрепленные достаточной реальной силой геополитические претензии азиатских гигантов – Китая и Индии.

В отличие от мира энергоносителей и мира технологий, которые могут диктовать друг другу и остальным свои условия и навязывать правила игры, Россия ничего не может диктовать. Ее специфика заключается в способности жить своими природными, техническими и интеллектуальными ресурсами. Но для этого она должна пойти и своим особенным, как говорят, третьим путем, который означает господство своих ценностей и своих отношений. Однако предпосылок для такого развития в самой России пока не видно, а налицо примитивная силовая социальная дифференциация, которая ни в малейшем приближении не позволяет говорить о так называемой соборности русского народа.

В целом из разных сочетаний противоречий завязывается единый мировой узел, вне которого и даже на его периферии Россия, если бы и хотела, никак не может остаться, благодаря своему евроазиатскому

положению. Однако она сама расколота таким образом, что линии мирового разделения проходят по ее собственному телу (причем славянское православие теснится со всех сторон), и она не выработала еще (за всю тысячу, а не за последние десять лет) своего определенного геополитического интереса. Сейчас России в этом смысле, то есть как самостоятельной силы, вроде и не существует – ее ракеты нацелены в «никуда».

Современная геоисторическая формула России объективно предопределяют некоторые принципиальные черты ее развития в ближайшем будущем при условии сохранения целостности:

невозможность изолированного существования;

преобладающая зависимость типа внутреннего развития от характера взаимодействия с мировым окружением;

глубокая социальная дифференциация;

авторитарность политической власти;

неустойчивость развития в целом до вызревания двух факторов:

1. Внутренний – становление широкой социальной базы авторитарного государства.

2. Внешний – возникновение потребности в сильной России в качестве союзника одного из мировых блоков. В данном аспекте судьба России совершенно непредсказуема.

В настоящее время общность может быть устойчивой, только развиваясь, а развиваться она может, только лишь будучи устойчивой. В нашем случае это означает, что обретение Россией устойчивости лежит на пути ее тотального обновления, которое, в свою очередь, осуществимо лишь в том случае, если Россия не потеряет сама себя и останется Россией.

А.Ф. Данфельд, Н.О. Кустова

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ГИГИЕНЫ

Экономический кризис 1998–1999 годов обнаружил опасную технологическую зависимость российской системы здравоохранения от зарубежных производителей медикаментов и медицинской техники. Резкий рост рублевых цен на медикаменты зарубежного производства и недостаточная информированность российских медиков об отечественных аналогах медикаментов импортных, вкупе с весьма успешной дискредитацией отечественных медикаментов через СМИ, сделали лечение даже простой патологии реально недоступным из-за непомерно высоких цен. В России «кризис высоких медицинских технологий», к приближению которого загодя готовились на Западе, реализован в особо драматичных формах.